

Глава 2. Акт 2: Провидцы

Подобные правонарушения в городе Троя, где всё пронизано сетью наблюдения, естественно, контролировались ИИ. Е Линь не знал, насколько совершенен правительственный механизм Гомера или каковы его полномочия, но вскоре его удостоверение личности было исправлено. Ему лишь требовалось зайти в соответствующее учреждение для сканирования сетчатки глаза.

— Удостоверение господина Е Линя принадлежит к самому первому поколению. Нам необходимо обновить информацию, — сказал человекоподобный ИИ. Из-за своей реалистичности они легко вызывали симпатию у людей. Е Линь считал себя вполне терпимым, но, по сравнению с этим ИИ, ему больше нравилась та паучиха-повариха с тридцатью руками из столовой.

Ему стало любопытно, кем были те двое.

— Можно проверить их удостоверения? — спросил он у ИИ.

— Минуту, — ответил тот и после паузы добавил: — Нет доступа.

Е Линь вздохнул, но ничего поделать было нельзя. Сегодня у него было плановое медицинское обследование, и ему нужно было идти.

Городская ратуша Трои, по сравнению с другими зданиями, такими как школы и больницы, выглядела на удивление скромно — даже меньше небольшого офиса. В ней не было даже приёмной.

Когда Е Линь вышел, он оказался перед рядом лифтовых дверей, ведущих на любой уровень Трои. Приложив удостоверение, он нажал кнопку D-района.

Больница Хиката была единственной крупной комплексной больницей в Трое, соединённой с больницей Росс в верхнем городе. Они служили своего рода воротами в иной мир: каждые два с половиной года, когда открывалась «счастливая рулетка червоточины», избранные жители Северного полушария спускались в нижний город, чтобы в итоге войти во Врата Гомера.

Е Линь провёл здесь слишком много времени и уже не разделял тревоги, написанной на лицах прибывающих. Одним из его лечащих врачей был Джордж, специалист по неврологии. Он был европеоидом, что в нынешнем мире, где расы смешались, не было ничем удивительным.

— В последнее время чувствуете какое-то недомогание? — спросил Джордж.

Е Линь не мог ответить. Его поместили в какой-то сканер, и динамическое изображение его мозга отображалось на жидкокристаллическом экране. Он лишь моргнул, давая понять, что всё в порядке.

Джордж проводил поэтапное лечение его амнезии, но восстановление гиппокампа шло медленно.

— Мне кажется, я не должен быть автомобильным инженером, — пожаловался Е Линь.

Джордж перестал писать и переспросил:

— Вы что-то вспомнили?

Е Линь покачал головой.

— Я ни разу не сдал экзамен по специальности.

— Вы потеряли память, конечно, вы не можете этого помнить. Гиппокамп — как магнитная лента: что стёрто, то стёрто. Можно только перезаписать, — сказал Джордж.

— Хоть какая-то мышечная память должна же была остаться?

Джордж подумал и утешил его:

— Может, в критический момент мышцы всё и вспомнят.

Е Линь не питал особых надежд на так называемый «критический момент». К счастью, остальные показатели его здоровья были в норме, и даже после пластической операции не было никаких осложнений. Специалист по реконструкции лица с гордостью утверждал, что это и есть его настоящее лицо.

Капсула выживания Е Линя была сильно повреждена, не сохранилось даже ни одной целой фотографии. ДНК, записанная Гомером, была лишь спиралью, и как он выглядел на самом деле, Е Линь не имел ни малейшего представления.

Глядя на своё отражение в зеркале, он часто чувствовал себя чужим. Типичный восточный мужчина, с утончёнными чертами лица, сдержанными двойными веками и высоким носом, придававшим ему вид холодного превосходства. Однако форма губ, наоборот, располагала к себе. Е Линь думал, что это лицо действительно можно было назвать очень красивым.

Ему очень хотелось вернуться в Северное полушарие. Всё вокруг было слишком незнакомым, и это вызывало беспокойство. Поэтому он изо всех сил старался как можно быстрее узнать больше. Но, будучи «реликтом» столетней давности, он ещё многому должен был научиться в Трое, в том числе тому, как выживать в мире по ту сторону Врат Гомера.

— На самом деле, возвращаться в Северное полушарие нет особого смысла, — сказал Чэнь До. Хотя он уже был новоиспечённым докторантом, ему всё равно приходилось посещать курсы выживания, что очень радовало Е Линя — значит, и до отличника можно было дотянуться. — Если не повезёт, через два года всё равно придётся спускаться обратно.

— Я хочу посмотреть на свой дом, — объяснил Е Линь.

Чэнь До наконец проявил интерес.

— А где ты его купил? Когда я вернусь в Северное полушарие, можно у тебя пожить?

— Думаю, да, — Е Линь попытался вспомнить. — У меня довольно большой дом, в Луцзяцзуй, в Шанхае... Как это место сейчас называется?

— Название не изменилось, — понимающе кивнул Чэнь До. — Но вот сохранился ли дом — это вопрос.

Е Линь потерял дар речи.

— Не расстраивайся, — сочувственно похлопал его по плечу Чэнь До. — Когда сможем подняться, вместе посмотрим. Если его нет, социальный ИИ поможет восстановить.

— А цена на недвижимость осталась прежней? — дрожащим голосом спросил Е Линь.

Обсуждать цены на недвижимость им долго не пришлось. В Трое курсы выживания были куда важнее технических специальностей. На этот раз у них был новый преподаватель — говорили, что это некая важная персона, которая вошла во Врата Гомера и успешно нашла сингулярность.

Е Линь счёл это фантастикой. Будь то червоточина или чёрная дыра, человек не мог приблизиться к сингулярности. Даже если бы удалось определить координаты, человеческое тело не выдержало бы, и времени передать информацию Гомеру не хватило бы. Но за последние сто лет было построено столько гравитационных орбит, значит, кто-то действительно находил сингулярность и успешно передавал координаты.

«Наверное, это под силу только сверхчеловеку», — с головной болью подумал Е Линь.

Психологическая травма от курсов выживания у Чэнь До была, вероятно, ещё глубже, чем у Е Линя. Атмосфера в аудитории была гнетущей. Многие студенты, казалось, пришли не по своей воле, и на их лицах читалось: «Мы здесь только для того, чтобы выжить».

Е Линь посмотрел на дверь. Когда наконец кто-то вошёл, в аудитории снова стало шумно. Он уставился на человека, поднимающегося на кафедру. Когда тот повернулся, Е Линь, словно очнувшись, пробормотал:

— ...Голиаф?

Будучи женщиной, Голиаф имела рост почти метр девяносто. У неё была человеческая внешность, но она не казалась обычным человеком.

Точнее, она была «Провидцем».

По этому поводу Е Линь и Чэнь До получили новую брошюру под названием «Проект “Путевые знаки”». Объяснение термина «Провидец» в ней оставалось весьма туманным. В общих чертах, это были «новые люди», продукт генной эволюции, группа, превосходящая обычных людей во всех отношениях.

— Что-то вроде лиги суперменов, — оценил Е Линь. — Они занимаются спасением мира?

Чэнь До, однако, не был с этим согласен.

— В Трое отношения между Белыми журавлями и Проектом “Путевые знаки” очень сложные. Они и сотрудничают, и в то же время конфликтуют, — он теперь был докторантом-химиком и иногда получал доступ к информации, недоступной обычным людям. — Нынешние Белые журавли считают, что выживание Земли — это заслуга самой первой их группы, которая состояла из обычных учёных. А сейчас Провидцы из Проекта “Путевые знаки” держат в руках будущее планеты, поэтому они друг друга не очень-то жалуют.

Е Линь счёл это абсурдом.

— Земля на грани гибели, а у них есть время на политические игры?

— Где есть люди, там есть и политика, — пожал плечами Чэнь До. — Гомер, конечно, не в счёт.

Е Линь посмотрел на Голиаф на кафедре. Сегодня её тени были тёмно-фиолетовыми, что делало её взгляд гораздо холоднее и бесстрастнее, чем в тот день с оранжевыми. Раньше этот курс вели представители Белых журавлей. Передача его Провидцу, возможно, означала, что

некая внутренняя политическая буря наконец улеглась.

— Обычные люди, входящие во Врата Гомера, в основном не занимаются поиском сингулярности, — во время перерыва они смотрели документальные фильмы о выживших. — После раскола Земли на планетарном кольце в различных червоточинах уже развились совершенно новые цивилизации и природные системы. Все биологические следы, которые мы там находим, мы называем «поэмами Гомера».

— «Когда языки пламени солнца лизнули небесный свод, я увидел, как на тусклой луне зажглись мириады звёзд. Земля под твоими ногами раскалывается — это обрывки поэм Гомера», — Е Линь мысленно процитировал начало, его взгляд остановился на последней строке. — «Придите, живые, и воспойте их».

Голиаф остановила документальный фильм. Она сохраняла невозмутимое выражение лица, но её взгляд, скользнув по лицу Е Линя, на мгновение задержался.

— При входе во Врата Гомера каждый из вас получит ИИ-браслет. В нём подробно записаны все биологические данные, обнаруженные человечеством до сих пор. Когда вы попадёте в новую цивилизационную среду, браслет автоматически запишет и дополнит недостающую информацию. По возвращении на Землю эти данные будут проанализированы и переданы следующим группам.

Она сделала паузу, выждала минуту или две и холодно спросила:

— Есть вопросы?

Чэнь До поднял руку.

— А что, если мы все не сможем найти сингулярность?

Голиаф, казалось, усмехнулась. Это была холодная улыбка, словно она смотрела на муравья, пытающегося сдвинуть валун. В этом не было насмешки, но становилось очень неудобно.

— Человечеству не нужно искать сингулярность. Если вы сможете принести обратно хотя бы несколько обрывков поэм, это уже будет великим достижением.

Е Линь слегка нахмурился, но большинство студентов отнеслись к этому безразлично, перешёптываясь между собой.

Голиаф не стала давать дальнейших объяснений. Она включила новый документальный фильм и, скрестив руки, молча смотрела его вместе со всеми.

Е Линь был одним из последних, кто покинул аудиторию. Голиаф стояла у двери, выглядя немного скучающей. Но когда она увидела Е Линя, выражение её лица слегка изменилось.

— Спасибо за тот автомобиль, — она протянула ему руку. — Меня зовут Голиаф.

Е Линь постарался не выдать своего удивления. Его взгляд упал на её руку. Золотой журавль, который он видел в тот день, теперь спокойно покоился на её запястье.

— Это татуировка? — не удержался он от вопроса.

Голиаф проследила за его взглядом, улыбнулась и сказала:

— Нет, это наш путевой знак.

Е Линь не понял значения слова «путевой знак». Ему это показалось неким таинственным символом, и он решил, что расспрашивать дальше было бы невежливо. Но любопытство взяло верх.

— Почему человечеству не нужно искать сингулярность? — спросил он. — Это ваша работа?

Они находились в Е-районе Трои, уровнем ниже больницы Хиката. Чем глубже, тем больше в Трое было исследовательских центров. Весь Е-район включал пять крупных физических и биологических исследовательских центров, и даже их учебная аудитория была соединена с Первой базой подготовки кораблей для практических занятий по выживанию.

На каждом уровне был Длинный канал. Голиаф шла рядом с Е Линем. Она повернулась и, слегка наклонив голову, посмотрела в глаза этому мужчине. Выражение её лица постепенно смягчилось.

— Люди слишком хрупки. Вы не можете управлять кораблём вблизи сингулярности.

Е Линь подумал и сделал жест рукой.

— Достаточно приблизиться на определённое расстояние. Современные алгоритмы ИИ настолько развиты, что могут рассчитать координаты в заданном диапазоне.

— Но это всё равно очень опасно, — настаивала Голиаф. — Малейшая ошибка — и вас с кораблём разорвёт на части.

— Но у нас есть защитный механизм. В крайнем случае, мы можем попросить Гомера вытащить нас.

Голиаф, казалось, сочла его наивным, но терпеливо объяснила:

— Защитный механизм не действует во внешней зоне сингулярности. Либо ты используешь её координаты, либо держишься от неё подальше. Иначе Гомер никак не сможет тебя спасти.

Она остановилась, улыбка исчезла с её лица. Только сейчас Е Линь заметил, что глаза Голиаф были прозрачно-серого цвета, как свинцовые тучи, затянутые дымкой. Она продолжала смотреть на него и спокойно сказала:

— Путь к отступлению не делает человека храбрее. Он делает его трусом.

Е Линь открыл рот, но смог лишь спросить:

— А вы?

Голиаф снова улыбнулась.

— У нас нет пути к отступлению. Провидец, войдя во Врата Гомера, должен найти сингулярность, иначе мы не сможем вернуться, — она помолчала и медленно добавила: — Нас никто не защитит.